

КОГДА «ГРОМ ПОБЕДЫ...» РАЗДАВАЛСЯ!

Как часто мы слышим, что лучшими в жизни были студенческие годы. Слышим это и от пресыщенного миллионера, и от нищего пенсионера. Ностальгия ли, воспоминания ли о былом здоровье, об ушедшей молодости? Да, но не только. Не хлебом единым жив человек, но и духом. Духом веры в будущее, надежды на успех, на победу в жизненных испытаниях.

Так и я вспоминаю свои затянувшиеся студенческие годы (с аспирантурой — девять лет). Вспоминаю так весело и радужно еще и потому, что к 1952 г., когда наш курс приступил к учебе, народ наш, прошедший через горнило самой страшной в истории войны, радостно встречал каждый новый мирный день. Вокруг все строилось, страна уже восстановилась, все были полны оптимизма. Нам, 17-18-летним юношам, передавался этот дух великой победы, большой стройки, дух созидания, рывка в светлое будущее. Мы были тогда и, думаю, останемся до конца детьми тех грозных военных лет, той грандиозной, ни с чем не сравнимой Победы. Она окрыляла два поколения советских людей.

Дыхание страшной войны и великой победы отражалось на составе студенчества нашего института. По меньшей мере треть даже нашего курса составляли студенты, прошедшие поля сражений или отслужившие в рядах Советской армии и флота. Многих из них помню в гимнастерках. В гимнастерках ходили и некоторые наши преподаватели. Да и мы, 17-18-летние школьники, знали войну не понаслышке. Некоторые из нас, в том числе покойный Виктор Бакин (в 80-е гг. зам. нашего посла в Бонне) и я, в 7-летнем возрасте были под фашистской оккупацией, выжили в полуголодные 1946 и 1947 гг. Говорят, что самая устойчивая память — это память на запахах. Так вот годы детства пахнут у меня гарью и пороховым дымом.

Состав студентов МГИМО был очень демократичным: офицеры, солдаты, дети погибших на войне, способные ребята из глубокой провинции. Была острая нехватка мест в общежитиях, но для

толковых ребят места находились, занимали места в общежитии Дипломатической академии в Стремянном переулке, 29, напротив Института народного хозяйства, ныне «Плешки». Там в июне 1952 г. поселили будущего посла Володю Плечко, Володю Орла и меня. В комнате на темном первом этаже стояло 12 кроватей под зелеными армейскими одеялами. Только Виктор Бакин и я были в течение трех лет школьниками. Все прочие 10 студентов были для меня, 16-летнего юнца, «взрослыми». Им было от 27 до 35 лет, все побывали в армии или на флоте, некоторые на фронтах. Порядок в комнате № 9 был по-армейски строгий. Дверь закрывалась ровно в полночь. Кто опаздывал, знал — не пустят. Тогда же выключался свет, и староста, боевой майор, позволял минут 20-30 поговорить, повспоминать. Мы с Виктором жадно слушали рассказы из жизни бывалых людей. Особенно ценился юмор. Юмор был высокого полета: рассказчики иронизировали над собой, над собственными ошибками и просчетами. Мат, пошлости, скабрезные рассказы о похождениях с женщинами сурово пресекались.

Спустя полвека, я с восхищением вспоминаю своих соседей, бывалых солдат — Ивана Шевякова из Нижнего Ломова, что в Пензенской области, и рязанца Ивана Осокина, отца четверых детей. Первый Иван потерял ногу и по утрам, по-девичьи стесняясь и прячась, надевал протез. Другой — рязанский Иван — потерял левую руку и бодро размахивал обрубок, исполняя обязанности старосты. Были среди них и женолюбцы, были и гуляки. У одного над тумбочкой висело четкое расписание, кого в какой день недели он «ест», т.е. к кому идет в гости подхарчиться. Над ним неодобрительно посмеивались и грозились поколотить за рассказы перед сном о яствах на столах гостеприимных хозяев.

Вспоминаю свое общежитие еще и потому, что здесь вспыхивала любовь, вступали в брак, и часто на всю жизнь, как это было у Николая Капченко с юной милой китайкой Ван Шу и у меня с Людмилой Меньяйленко. В июле 2008 г. золотая свадьба у нас! Кстати, Н. Капченко опубликовал капитальный труд: «Сталин. Политическая биография», образец непредвзятого объективного исследования. То общежитие и нравы его жителей сравниваю с нравами сегодняшних «общаг». Знаю эти новые нравы потому, что как профессор должен знать быт студентов. Так вот, у нас не было даже намека на дедовщину. Никто из «взрослых» нас с Виктором Бакиным ни разу в эти годы не обидел, не оскорбил, не нагрубил, никто не ставил бегать за водкой или табаком. Свидетельствую, что к нам,

«школьникам», бывшие солдаты относились, как строгие старшие братья. Они неприметно воспитывали нас.

Многие годы спустя мне пришлось месяцами работать в командировках — в миссиях ООН в самых гиблых местах африканских и азиатских стран, жить рядом и трудиться вместе с другими экспертами из Германии, Франции и Италии и т.д., жить в таких условиях, где важнейшими качествами характера были дисциплинированность и уживчивость. Эти качества мне дала наша комната № 9 в общежитии, конкретно — два русских Ивана, два искалеченных солдата. Иван Шевяков и Иван Осокин. Где-то они ныне? Живы ли? Им должно быть за 80.

Свидетельствую также, что все мы были естественными, по природе, интернационалистами. Русские, украинцы, белорусы считались одним народом. Студентов из национальных меньшинств никто не называл «черными», не считал иными или чужими. Никто не обращал внимания на нескольких студентов-евреев. Не было для нас пресловутого еврейского вопроса, не говоря об антисемитизме. В этой связи вспоминаю статью в лондонской «Таймс», где сообщалось, что когда провели опрос 11–12-летних учеников в нескольких английских школах, то выяснилось, что большинство из них заражены антисемитизмом. Дети не могут скрывать то, что так тщательно прячут взрослые.

Благодаря строгой дисциплине мы, проснувшись, а старшие — побрившись, вместе пили чай, ели хлеб с маслом и бодро отправлялись в Старый дом у Москвы-реки. Я предпочитал прогулку пешком через Крымский мост. Шел мимо каких-то швейных цехов, где мне улыбались из окон девушки-работницы. Не пользовался транспортом не из экономии. Нет, я был сравнительно обеспеченным студентом. В то время действовало такое постановление правительства: студенты — дети погибших офицеров могли выбирать или стипендию, или пенсию за отца. Те, кто учился на отлично, имели право получать и повышенную стипендию, и пенсию. Я вполне использовал это право. Не будь его, едва ли я получил бы диплом с отличием. Потому что и у меня «легкость в мыслях была необыкновенная». Так что и при Сталине был и действовал стимул материальной заинтересованности.

Ныне я рассказываю своим студентам, что в те годы обычная стипендия в 395 рублей позволяла студентам питаться, скромно одеваться, весело встречать праздники, иногда ходить в кино и даже в театр. Так что студенты по жизни познавали, что значили «основ-

ные» или «разумные потребности». Они были разумны, потому что позволяли сохранять физическое и охранять нравственное здоровье молодых людей. При деньгах и тогда уже легче легкого можно было стать (многие и становились!) на скользкий путь — «удовольствиям — время, учебе — ноль внимания». Нас спасала напряженная работа по учебному плану Кириллина». Посол Г. Уранов недавно в телепередаче вспоминал, что пелось в институтской песне: «...Стоял здесь стон, здесь умер слон от учебного плана Кириллина».

Наши преподаватели настойчиво работали над совершенствованием учебных программ. Работая в ЮНЕСКО, я в течение более 20 лет тоже занимался планированием образования, учебными программами, тем, что называется curriculum development. И должен отметить, что наши менторы (а в большинстве это была профессура МГУ — Тарле, С. Крылов, Сказкин, Островитянов, Барановский, Дурденевский и др.) сумели добиться того, что в нашей учебной программе удачно сочетались широкообразовательные и специальные дисциплины, предназначенные для дипломатов и международных. Даже на нашем экономическом факультете много времени уделялось истории. А история, скажем, в китайской традиции, считается матерью всех наук. Ее опыт, ее уроки ставятся выше мнения мудрецов. У нас было много курсов историй. Курс древней истории читал именитый профессор Бокшанин. Средние века блистательно читал профессор Эпштейн. У него средние века вовсе не выглядели темными веками. Это была настоящая человеческая комедия в лицах во всех ее оттенках. Он не излагал, а живописал. Годы спустя, прожив четверть века во Франции, я вспоминал лекции профессора Эпштейна о «belle France», о «beau pays France». Бродя по музею в Блуа на Луаре, вспоминал, как он трагично с кафедры говорил: «В ту ночь королевская кровь обагрила прекрасные гобелены замка Блуа». Так же высоко оценивает лекции профессора Эпштейна и моя жена, слушавшая его лекции пять лет спустя (15-й выпуск).

Вспоминаю замечательные лекции по русской литературе известного литературоведа Белкина. Он был очень строг. Шутники уверяли, что, принимая экзамен у своей дочери, он поставил ей «неуд» и приглушенно, гневно сказал: «Уходи, ничего не знаешь! Такая же дура, как твоя мать». Был курс западноевропейской литературы. К сожалению, слишком краткий. Знание ее было бы так полезно при общении с иностранцами. Ведь, скажем, англичанин обычно так же мыслит образами из Шекспира и Диккенса, француз — образами из Бальзака и Гюго, немец — образами из Гете и

Шиллера, как мы, русские — образами из Пушкина и Гоголя. Пришлось самому много читать.

Философию читала великолепная тройка молодых преподавателей — Д. Ермоленко (диамат), Ю. Семенова (истмат) и Ю. Замоштина (история философии). Ермоленко извлекал марксову диалектику из глубин древнегреческой философии, поражая наше воображение легендами и мифами из детства человечества — из истории Эллады. Он умел нас увлечь, заставить думать, почему, например, «быстроногий Ахиллес никогда не догонит черепаху»? Дмитрий Ермоленко был и преподавателем и товарищем студентов. Его любили, что не избавляло его от наших острот и дружеского шаржа. Помню стих:

*Когда Ермоленко откроет рот,
Заговорит весомо, грубо, зримо,
Мне вспоминается водопровод,
Сработанный еще рабами Рима.*

В середине 80-х профессор Ермоленко был избран на высокий пост члена Исполсовета ЮНЕСКО. Одно время его занимал и Г. Уранов. Мне, как ветерану в ЮНЕСКО, пришлось тесно сотрудничать с обоими. Мы часто вспоминали институтские годы.

Много лет спустя, я стал понимать, почему до революции так много времени отводилось изучению истории и языков эллинов, римлян и ромеев-византийцев. Эта классика пригодилась бы будущим дипломатам много больше, чем безмерно раздутые курсы по истории партии, партстроительству, научному коммунизму. С грустью и горечью вспоминаю, как мы почти семестр «грызли» ленинскую работу «Материализм и эмпириокритицизм», работу ничего не дающую начинающему изучать философию. Много полезнее был бы углубленный курс по истории философии. То же можно сказать об изучении Марксова «Капитала». Его читали три семестра. Позже при самостоятельном чтении мне открылись глубины домарксовых экономических учений. Тем не менее с большой признательностью вспоминаю лекции и семинары по «Капиталу» Соколовской. Конечно, наша учеба была глубоко идеологизирована. Это была эпоха борьбы двух систем.

Особое место в нашей жизни занимало изучение языков. В языковых группах мы вновь из студентов становились школьниками — ежедневные домашние задания, письменные и устные, словари, те-

тради, диктанты, сочинения, изложения и прочее. Отсеивались студенты в основном из-за языков. Английский язык тогда еще не был доминирующим. Одним из моторов глобализации он стал только к 80-м гг. В нашей немецкой группе лидировал Владлен Пунтус. Дружбу и общаюсь с ним и по сей день. Его скромная квартира в Тружениковом переулке и его семья стали моей первой встречей с москвичами и их бытом.

Годом позже я стал частым гостем в доме Миши Любимова. Там творились капустники, читались стихи, пелись под гитару романсы. Вдовый отец Миши — полковник Петр Федорович — обожал своего сына, явного интеллектуала, и переносил свою доброту на всех его друзей. Как сейчас вижу этого симпатичнейшего седовласого человека, театрала, знатока музыки, вижу блеск его синих русских глаз и слышу возглас при каждой нашей встрече: «Борис, Борис, все пред тобою трепещет» — все из пушкинского «Бориса Годунова». А потом следовал вопрос: а где твоя гитара, где романс «Милая»?

Да, в те годы, особенно на первых трех курсах (1952—1955 гг.), делу — учебе — отводилось время, а потехе — час. После лекций многие из нас оставались, порой до 10 вечера, в языковых аудиториях на 3-м и 4-м этажах и осваивали языки или читали дополнительную литературу. Благо, библиотека была очень богатая. Иногда пробирались в лингафонный кабинет в гости к ветерану МГИМО Юрию Павловичу (по прозвищу Череп). Там мы слушали записи джаза, блюзы и классику.

Для меня несбывшейся мечтой было попасть в состав редакции стенной газеты «Международник». Особенно привлекал жизнерадостный отдел юмора, где бессменно царил всем известный молодой профессор Эрик Пантелеймонович Плетнев. Там пили много пива и рыдали от смеха, от острот и каламбуров. Меня Эрик не брал в редакцию «из-за тотального отсутствия чувства юмора... Твое дело, старик, — повторял Эрик, — гитара, романсы, девушки». Разумеется, это был поклеп, очевидная несправедливость, о которой я ему с ехидством напоминал и четверть века спустя, когда мы стали часто встречаться на конференциях в Женеве. Однако, признаюсь, что у Плетнева в отделе юмора собирались действительно неподражаемые мастера тонкой иронии, завязтые остряки, юмористы — мастера игры слов и каламбуров. Покойный мэтр юмора Плетнев был знаток пива, и ему в день защиты докторской диссертации друзья-собутельники устроили в круглом зале на 2-м этаже овацию

и подарили/надели на него огромный венок из красных раков. Рассказывают, что изумленный такой выходкой парткомыч застыл то ли от гнева, то ли в раздумье, что делать? Смеяться вместе со всеми или бежать докладывать?!

Не только в институте, но и в общежитиях царил культ юмора. Высоко ценились острословы, хорошие рассказчики веселых историй. Гриша Ковриженко, например, знал, думаю, наизусть целые главы из «Золотого тельца». Этот юношеский настрой на ироническое восприятие жизни с ее успехами и неудачами многие из нас пронесли через всю жизнь. Мне, например, он неизменно помогал стать своим среди коллег-иностранцев, с которыми мне 24 года пришлось проработать в системе ООН.

Наряду с юмором в те годы процветала и художественная самодеятельность. Миша Любимов, ныне известный писатель, уже в те годы горел поэтическим жаром, жаром сочинителя капустников. Писал и эпиграммы. Помню, что начинавшему лысеть Жене Клименко он посвятил такую трогательную элегию:

*Мой друг! Какая боль, какая жалость
Одна лишь жиденькая прядь
Нам к декабрю с тобой осталась!*

Не скажу, что я мастерски играл на гитаре, но спрос был большой, а на безрыбье и рак рыба. Гитара вновь входила в моду. Коля Соловьев с «востока» (будущий наш посол в Японии) и Слава Гурганов, тоже с «востока» (будущий заместитель директора СВР, оба ныне покойные), пригласили меня в свой квартет с условием, что я освою и контрабас. Играли мы не только в своем институте, но и на вечерах и танцах в других институтах, особенно в тех, где много было очаровательных девушек. Мы изловчились и даже обязательную общественную работу несли в музыке. Квартет наш шефствовал над пивным заводом им. Бадаева. Любители пива из кружка Эрика Плетнева лопались от зависти. Помню, как-то весной 1956 г. на большой перемене вбегает наш разгневанный комсорг — Аллочка Алексеева — и говорит мне: «Борис, тебя опять протянули в «Окне МГИМО»!» Бегу на лестницу. Действительно, висит огромный плакат. На нем изображена вывеска пивного завода им. Бадаева, перед заводом клумба, в клумбе музыкальные наши инструменты и цветочки, а в цветочках четыре наши ухмыляющиеся физиономии и стих:

*Под животворной кружкой пива
Цветут таланты коллектива.*

Тогда я глубоко осознал, на всю жизнь осознал, что зависть — грозная опасность. Каин ведь убил брата Авеля из зависти.

Многие из нас регулярно занимались спортом. Помню разгоряченные юные лица баскетболистов и среди них будущего Ambassador at large Феликса Богданова. Помню Владлена Пунтуса, неутомимого организатора туристических групп по горным маршрутам Кавказа и байдарочников.

Выезжая в 60—80-е гг. в многочисленные командировки (миссии) в различные страны по линии ООН и Мирового банка — ЮНЕСКО, почти в каждом советском посольстве я встречал выпускников МГИМО. И с нашего курса, и с курса жены, и с «востока». Многих знал шапочно, знакомое лицо на лестницах Старого дома, не более. А там, далеко за Крымским мостом, где, как поется в нашей песне, «нечасто встречаются русские», эти мгимовцы становились близкими товарищами, а часто и опорой, и помощью. Всеми нами добром вспоминаемого Алексея Разливахина я встретил в Чили, в зиму (а в Чили в лето) 1966 г. Нашего консула Павла Лядова встречал в Зальцбурге и в Мюнхене, зам. посла и консула Володю Пунтуса в Будапеште и Дебрецене. Дружил в Париже с Борисом Тогулевым, с Юрой Лопатиным, виделся с Нонной Лисицыной (Ступишиной). Много было встреч с выпускниками с курса моей жены, которых я, конечно, близко знал. Это встречи в Вашингтоне с безвременно трагично скончавшимся Сашей Кокаревым, в Сомали — с Леней Лютовым, на Майорке — с Володей Факовым, в Кении — с Аликом Шеленковым и многими другими. Это были сердечные, а иногда и спасительные встречи, ибо благодаря им удавалось избегать невидимых мидовских рифов. Конечно, не все было так безоблачно, так радужно, как может показаться из наших очерков. Но есть у памяти здоровых натур счастливое свойство — выбрасывать за борт груз невзгод и неприятностей.

Наш выпуск был десятым. Первый выпуск 1948 г. начинал еще на международном факультете МГУ. У него была своя факультетская песня:

*Шум и крики залы потрясают,
Перепуган университет.
То день и ночь гуляет и песни распевает
Международный факультет.*

Позже лихие гуляки уже в МГИМО развили тему и пели так:

*Напрасно папы двери закрывают,
Напрасно мамы дочек берегут,
Ведь день и ночь гуляет и песни распевает
Международный институт.
Эх, что за чудо! Международный институт.*

Уже многие годы встречаюсь и весьма дорожу дружкой с известным академиком и первым выпускником МГИМО (1948 г.) Владимиром Алексеевичем Виноградовым. Он знаток не только Академии наук, но и традиций МГИМО. Недавно, кстати, опубликовал интереснейшие мемуары. Он рассказывает, что в первом выпуске, который начинал еще в МГУ, было 125 человек. Еще живы 25 человек, некоторые продолжают работать, в их числе и академик В.А. Виноградов. Они основали клуб «Первенец». Клуб имеет свой совет, свой бланк, регулярно собирается и намерен к 60-летию выпуска в 2008 г. созвать в здании МГИМО три первых выпуска. Согласие ректора Торкунова получено. Нам, 10-му выпуску, скажем, «Десятникам», надо бы поучиться у старших коллег.

Еще раз скажу, что великая Победа наших отцов и старших братьев, величие нашей державы окрылили нас, дал заряд оптимизма на многие десятилетия. Так велик в мире был авторитет Советской державы, что в ней люди всего мира видели альтернативу, иной путь. Как это контрастирует с нынешним отношением в мире к Российской Федерации! Нам вплоть до 80-х гг. все казалось, как в песне «Все выше, и выше, и выше!» Но грянули перестройки-катастрофы, реформы, и в стране, как в доме Облонских, все смешалось. Ныне, где двое русских — три взгляда, четыре мнения. На горьком опыте убеждаешься, что морально-политическое единство не было блефом сусловского агитпропа. Страна, бывшая самой образованной и читающей, стала самой меркантильной и социально несправедливой. Но не стоит унывать. Уныние в православии — великий грех. Маятник, который так далеко занесло вправо, явно пошел назад.

Два десятилетия разбрасывались камни державы. Пришла пора собирать их и строить. Все кружится, кружится на ходу своем и возвращается «на круги своя». Наш институт — наша alma mater. Alma mater для четырех членов моей семьи. Мы все желаем ему долгих лет жизни и служения России. Вот и я хочу оставшиеся силы отдать воспитанию студенчества, учить их зреть в корень и избирательно относиться к западным ценностям. Надеюсь, что они, наконец, поднимут упавшее знамя Победы.